

МИФЫ И СОВРЕМЕННЫЕ МИФОЛОГИИ

Г.М. Тарнапольская

ОТНОШЕНИЕ К ЗЕРКАЛУ В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУР

Аннотация: зеркало представляет собой символ, особенность которого состоит в том, что в разных культурах он наделяется разными, иногда диаметрально противоположными значениями. На примере сравнительного анализа символических значений зеркала выявляются различия и в способах культурного миропонимания.

Ключевые слова: философия, зеркало, символ, культура, отражение, двойник, меон, эйдос, миф, Амаэрасу, Нарцисс.

Двойственное восприятие зеркала как явления культуры можно объяснить различием ориентации понимания либо на внешнее выражение, либо на внутреннюю, остающуюся сокрытой, реальность. Зеркальное отражение обладает двумя свойствами. Во-первых, зеркало всегда максимально точно и в малейших деталях отражает внешний облик вещи или человека. Оно не может отразить то, чего нет или исказить то, что оно отражает, поэтому зеркало как точное свидетельство о реальности заслуживает доверия. Во-вторых, зеркало обладает способностью инвертировать отражаемый образ. То, что было правым, в зеркале становится левым и наоборот. Для обыденного сознания первое свойство представляет практическую ценность, а второе игнорируется, как бесполезное, но и не мешающее в использовании. Для мифологического и культурного сознания оба этих свойства имеют особое значение.

Осмысление свойств зеркального отражения в различных культурных контекстах порождает и различное отношение к этим свойствам. В соответствии с этим отношением зеркало становится символом, который в разных культурах наполняется разными, иногда диаметрально противоположными содержаниями. На примере особенностей отношения к зеркалу в разных культурах можно выявить многообразие способов культурного миропонимания.

Рассмотрим два известных мифа, в которых зеркальное отражение играет важную роль. Это древнегреческий миф о Нарциссе и древнеяпонский миф о сокрытии богини Амаэрасу в гроте. В античном мифе прекрасный

юноша Нарцисс, увидев свое отражение в чистом ручье, влюбился в него и покончил жизнь самоубийством. Этот миф несет в себе отголоски древнего представления о двойнике человека, «втором я», которое находится во внешнем мире¹. Отражение тоже является двойником, поэтому несет в себе смертоносные свойства, так как по древним воззрениям встреча с собой, своим двойником, предвещает несчастье или смерть человека в результате потери связи с внешним миром. В случае с Нарциссом так и произошло. Попав в плен к собственному отражению, двойнику, Нарцисс уже не смог направить свое внимание на других людей и восстановить связь с миром, что и привело его к гибели.

Двойник воспринимается как угроза еще и потому, что он во многом является антиподом человека. По мифологическим представлениям двойники-близнецы нередко вступают в противоборство друг с другом. В наиболее древних вариантах мифов, как правило, один из близнецов должен уйти в нижний мир мертвых². Поэтому при встрече с двойником происходит что-то вроде аннигиляции. Зеркальное отражение вполне может восприниматься как двойник-антипод в силу инверсии отраженного образа. Связь зеркала со смертью прослеживается и в обычае завешивать зеркала в доме, где недавно кто-нибудь умер. В этой же связи можно вспомнить фильм Ж. Кокто «Орфей», где смерть приходила в

¹ Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. Т. 2. М.: Рос. Энциклопедия, 1997. С. 202.

² Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. Т. 1. М.: Рос. Энциклопедия, 1997. С. 174.

мир именно через зеркала. П.А. Флоренский приводит в качестве характерного примера суеверий современного ему культурного сознания то, что А.В. Суворов боялся зеркал и приказывал их всюду завешивать³, подчеркивая тем самым, что зеркальный образ в восприятии многих людей может оживать, наполняясь самостоятельной силой, может быть, даже демонической. Именно эта ситуация описана в рассказе В. Брюсова «В зеркале», повествующем, как зеркальный образ подчинил волю девушки и заставил поменяться с ней местами. Однако девушка сумела притвориться слабой и, усыпив бдительность своего зеркального образа, смогла вновь подчинить его себе. Иногда двойник в зеркале может зловеще воплотиться в реальности таким образом, что его гибель одновременно становится и гибелью прототипа, как это происходит, например, в рассказе Х.Л. Борхеса «Чернильное зеркало».

В японском мифе повествуется о том, как богиня солнца Аматэрасу скрылась в гроте, в результате чего мир погрузился во тьму. Чтобы выманить Аматэрасу из ее убежища, боги в числе прочего изготовили зеркало и повесили его перед входом в грот. Затем они стали веселиться и громко хохотать, глядя на непристойный танец одной из богинь. Аматэрасу, услышав смех, из любопытства выглянула и столкнулась со своим отражением. Заинтересовавшись им, она вышла из грота, и тогда за ней перед входом в грот протянули веревку, чтобы она не смогла больше скрыться. В этом мифе зеркальное отражение играет положительную роль, так как выманивает из состояния сокрытости сам прототип, в результате чего спасает весь мир от верной гибели. Так отраженный в зеркале образ, являясь лишь видимостью, не уничтожает, а выявляет сущность.

Мифологическое отношение к зеркальному отражению стало определяющим и для дальнейшего осмысления зеркала в культуре.

Идея двойничества перешла в идею удвоения реальности, которое в античные времена считалось негативным, поскольку вело к снижению онтологического статуса и, в конечном счете, к деградации бытия. Конечным пределом такой деградации является тенеподобное полубытие умершей души в Аиде. Согласно воззрениям Платона, видимый мир есть лишь подобие мира эйдосов, стало быть, отражение и изображение есть подобие подобия⁴.

Умножение подобий вызывает привязанность к многочисленным преходящим вещам, что, в свою очередь, ведет к утратам и страданиям. Происходит своего рода «порча» бытия. На этом основании Платон отрицал положительную значимость изобразительных искусств. В случае зеркального отражения, которое является безупречно точным подобием, «порча» бытия будет заключаться в инвертированности отраженного образа, а также в его несамостоятельности или онтологической недостаточности, так как зеркальный образ – лишь повторение внешнего прообраза.

Это негативное отношение к зеркалу было доведено до логического конца гностиками. Согласно гностическим воззрениям эмпирический мир есть зло, так как он произошел в результате того, что чистый, духовный логос отразился в темной материи и, подобно Нарциссу, попал в плен к своему отражению. Поэтому чтобы спастись, нужно освободиться из плена материального мира. Отражение в данном случае понимается как совершенное зло, поскольку оно вызвало этот мир к существованию.

Будучи инвертированным, зеркальный образ воплощает собой скрытые, «левые», качества прототипа, иначе говоря, его негативные стороны. Человек все так же бессознательно боится встречи с двойником, который может убить или пленить его. Здесь нужно отметить, что зеркало – это обычный спутник женщины, которая, в отличие от мужчины, живет со своим отражением в ладу, потому что по своей целостной природе содержит в себе как рождение, так и смерть⁵. Эта целостность не позволяет темным сторонам ее личности гипостазироваться в виде враждебного двойника. Мужчины же склонны приписывать дружбу женщины с зеркалом ее тщеславию, простительному по ее слабости, но недопустимому для мужчины. На самом деле, как показывает миф о Нарциссе, мужчина поддается влиянию двойника гораздо легче, чем женщина, так что встреча со своим отражением грозит ему настоящей опасностью впасть в действительно непомерное тщеславие.

Вместе с тем в гностицизме, по учению которого природа женщины понимается сама по себе неполной, зеркало становится символом ее безуспешного стремления обрести иллюзорную полноту, которое заканчивается трагедией. Именно так апокриф Иоанна рисует творение Софией мира без своего сотоварища, то есть, без мужского аспекта. «Она захотела открыть в себе самой образ без воли Духа – он не одобрил – и

³ Флоренский П.А. О суеверии и чуде // Флоренский П.А. Соч. в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. С. 59.

⁴ Платон. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 390-393.

⁵ Эстес К.П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. К.: «София», М.: ИД «Гелиос», 2001. С. 97.

без своего сотоварища, без его мысли. И хотя лик ее мужественности не одобрил и она не нашла своего согласия и задумала без воли Духа и знания своего согласия, она вывела (это) наружу. И из-за непобедимой силы, которая есть в ней, ее мысль не осталась бесплодной, и открылся в ней труд несовершенный и отличавшийся от ее вида, ибо она создала это без сотоварища. И было это неподобным образом его матери, ибо было это другой формы. Когда же она увидела свою волю, это приняло вид несообразный – змея с мордой льва»⁶. Поэтому мир становится неполноценным бытием, которое пленило подлинную сущность Софии. Впрочем, и сам протоархонт обманывается зеркальным образом Метропатора. Протоархонту Метропатор (он же Проноя, он же Отец всего) открывает свой образ в человеческой форме, и протоархонт обманывается, приняв этот образ за свой. Именно это побудило протоархонта сотворить человека, к которому и перешла от него светлая сила, доставшаяся самому протоархонту от Софии.

В данном случае символ зеркала обозначает иллюзию, которая не способна восполнить подлинное бытие. Однако эта иллюзия становится активной действующей силой, и поэтому начинает пониматься в гностицизме не только как зло в смысле отсутствия добра, но и как зло в смысле противоположной добру метафизической силы. Развивая в своих рассказах этот гностический мотив, Х.Л. Борхес вкладывает в уста одного из вымышленных исламских ересиархов такое высказывание: «Земля, на которой мы живем, – это просто ошибка, неумелая пародия. Зеркала и деторождение отвратительны, ибо умножают и укрепляют эту ошибку»⁷.

В одной из своих лекций Х.Л. Борхес, которому гностики симпатичны, а зеркала не очень, анализируя сонет Банчса, пишет: «Начнем с темы сонета, столь поэтичной: зеркало, удваивающее все видимое... Вспомним Плотина. Хотели нарисовать его портрет, а он отказался: «Я сам тень архетипа, существующего на небе. Зачем создавать тень тени?» Искусство, полагал Плотин, вторичная видимость. Если человек столь хрупок, недолговечен, как может пленять его изображение? Это же чувствовал Банчс: он ощущал призрачность зеркала»⁸. Далее Х.Л. Борхес утверждает, что у людей существует страх перед зеркалами, и приводит литературные

примеры: «В самом деле, в существовании зеркал есть нечто страшное: зеркала почти всегда повергли меня в ужас. Думаю, нечто подобное ощущал По. Существует его малоизвестная работа об убранстве комнат. Он считает необходимым размещать зеркала таким образом, чтобы они не отражали сидящего человека. Это обнаруживает его страх увидеть себя в зеркале. То же мы замечаем в его рассказе «Уильям Уилсон» об отражении и в рассказе об Артуре Гордоне Пиме. Неподалеку от Антарктиды живет некое племя; человек из этого племени, впервые увидев себя в зеркале, упал, пораженный страхом. Мы привыкли к зеркалам, тем не менее в этом видимом удвоении есть нечто пугающее»⁹.

В чем же причина такого пугающего эффекта зеркала? Почему зеркальное отражение в сознании человека европейской культуры обязательно связывается с двойником, обманым порабощением и даже со смертью? И можно ли найти внутри европейской культуры положительное отношение к образу зеркала? Отвечая на последний вопрос, можно обнаружить причину, по которой зеркало как символ носит маргинальный характер, и заодно найти ответы на первые два вопроса.

Прежде всего, следует сказать, что положительное осмысление образа зеркала в европейской культуре действительно существует, и оно находится в области философии. Это становится очевидным, если вспомнить, что основной философский метод – спекулятивный, а «speculum» на латыни и есть «зеркало». Спекулятивный метод изначально заключается в усматривании или угадывании реальности, которая сама по себе скрыта от внешнего восприятия, но отражается в эмпирических вещах и их отношениях. Как указывает Ю.М. Романенко, таково естественное свойство человеческого познания: «Человек угадывает целостный образ вещи не потому, что он еще не обладает всевидением или что он пока не познал умом данную вещь. Угадывание – это не недостаток гносеологического трансцендентального субъекта, вынужденного затыкать пробелы непознанного досужими догадками, а его норма, соответствующая его природе и природе вещей, с которыми он сосуществует в едином Космосе»¹⁰. Поскольку в эмпирическом опыте вещь дана всегда лишь одной стороной, ее целостный вид и сущность угадываются через их отражение в хаосе эмпирических данных. Отсюда остается лишь один шаг до осознания того, что природа вещей

⁶ Апокриф Иоанна // Апокрифы древних христиан. М.: Мысль, 1989. С. 203.

⁷ Борхес Х. Коллекция: Рассказы; Эссе; Стихотворения. СПб.: Северо-Запад, 1992. С. 49-50.

⁸ Указ соч. С. 536-537.

⁹ Там же. С. 537.

¹⁰ Романенко Ю.М. Бытие и естество. Онтология и метафизика как типы философского знания. СПб.: Алетейя, 2003. С. 509.

и человека наделена отражающими, зеркальными свойствами.

Исследуя философское понятие естества, Ю.М. Романенко обнаруживает в западной философской традиции гносеологическую концепцию естества в целом и человека, в частности, как «живых зеркал». Он утверждает, что: «Тема «живого зеркала» или системы «живых зеркал», взаимодействующих по принципу «неток», сквозной нитью пронизывает весь историко-философский процесс»¹¹. Эта тема прослеживается им в текстах Платона, Аристотеля, Николая Кузанского, М. Хайдеггера и других философов, указывавших на принцип зеркального отражения в описываемой ими структуре естества. Приведем лишь несколько примеров, хорошо иллюстрирующих специфику того осмысления зеркала, которое обнаруживается в философской традиции. «Напомним, что фундаментальным определением «фюсис», согласно аристотелевской «Физике» (В-1) и хайдеггеровскому комментарию к ней, является естественная внутренняя «зеркальность» природно сущего, т.е. некое «врожденное стремление к совпадению» (метаболе) природно сущего с самим собой на фоне постоянных превращений стихий, пронизывающих его и дающих живую энергию, но не разрывающих (диа-боле) его до тех пор, пока сохраняется его естественная простота. Задержимся на этой зеркальности «фюсис» и обратим внимание на настойчиво повторяемые Хайдеггером в приведенных цитатах некие зеркальные эффекты, возникающие в мировой четверице и свидетельствующие о гармонии между ее моментами»¹². Мировая четверица – это божества, смертные, земля и небо. «Все перечисленное находится в отношении непредставимого зеркального взаимоотражения, реализующего принцип «всеединства» – нераздельно-неслиянного присутствия всего во всем. Таинственность гармонии мира связана каким-то образом с загадочностью зеркала»¹³.

Итак, зеркальные свойства «фюсис» обеспечивают мировую гармонию, всеединство и процесс познания – что может быть более возвышенным и позитивным для характеристики зеркала как символа?! Однако читаем далее: «Из текста ясно только, что оно обладает парадоксальным сочетанием исключаящих друг друга свойств – способности отражать и одновременно быть прозрачным. Кроме этого, данное зеркало является источником света. Подобные характеристики, приписываемые естественному зеркалу, явно выделяют его из класса при-

вычных нам в быту искусственных зеркал, способных отражать только внешний свет»¹⁴. В этом фрагменте четко артикулируется лишь изредка встречающееся ранее в тексте противопоставление естественного, или «живого», зеркала искусственному. Понятно, что все вышеперечисленные эффекты гармонии, всеединства и прочих благ относятся только к естественному зеркалу. Но тогда возникает вопрос: почему бы зеркалу искусственному не стать законным символом естественной зеркальности природно сущего? Ведь противопоставление вещи-носителя символа и символизируемой реальности не является препятствием для установления символического соответствия. Наоборот, вещь-символ и символизируемое как раз и должны отличаться, причем именно своим онтологическим статусом.

В цитируемой здесь книге «Бытие и естество» гораздо более подробно приводятся все законные основания для установления такого символического соответствия, что в философской традиции, по-видимому, и происходит. Тем не менее, в других областях культуры это соответствие не устанавливается. Европейское культурное сознание проходит мимо такой возможности, и вот почему. Естественное зеркало, в отличие от искусственного, сконструировано таким образом, чтобы отражать ту реальность, к которой стремится человеческое сознание, а это невидимые физическим глазом, но умозрачные (или угадываемые) смыслы, или прототипы эмпирически воспринимаемого – эйдосы. И хотя это зеркало требует правильной настройки и специального ухода за своей отражающей способностью¹⁵, оно имеет приоритет перед искусственным зеркалом, созданным, чтобы отражать и без того видимые физическим глазом свет и предметы. Поскольку сознание направлено на умозрачные эйдосы, взгляд устремлен сквозь отражающую поверхность и мимо отраженных образов на то онтологическое основание, которое наделяет образы бытием, то есть на эти самые эйдосы. Если с такими же намерениями посмотреть в искусственное зеркало, то ищущий эйдетические основания взгляд будет отброшен назад, на эмпирический прототип зеркального образа. Сознание, не находя в отраженном образе искомым оснований, констатирует его избыточность. Отсюда становится понятным восприятие искусственного зеркала как чего-то онтологически излишнего, «умножающего сущности без необходимости». Ведь то, что непосредственно

¹¹ Указ. соч. С. 502.

¹² Там же. С. 601.

¹³ Там же. С. 602.

¹⁴ Там же. С. 602.

¹⁵ Там же. С. 494-495.

не укоренено в бытии, несомненно, представляется излишним и лишенным истины.

Следствием всего изложенного является связь зеркала с идеями удвоения реальности и обмана. Безупречное сходство зеркального отражения с оригиналом, как ни парадоксально, становится поводом к сомнению в отраженной реальности. Поскольку отражение не имеет самостоятельного бытия, оно иллюзорно, а потому именно его сходство с оригиналом создает ощущение обмана. «А подозрение в обмане постоянно чувствуется, ведь зеркалу всегда пеняли в лживости. Оно «удваивает реальность», и не всегда удается выяснить, по какую сторону находится истина. Но в чем-то одном из двух истина в любом случае присутствует. А может, истина одна на двоих»¹⁶. Эта невозможность выяснить, по какую сторону зеркала находится истина, порождает неопределенность и, как следствие, чувство страха перед зеркалом, страха заблудиться в иллюзорном мире, оторвавшись от реальности прототипа.

Несмотря на то, что человек создает различные приспособления, улучшающие его собственные способности восприятия, все же именно себя он рассматривает как точку отсчета любых отражений, которые могут возникнуть в созданных им приборах. Когда речь идет о предельных основаниях бытия, человек склонен доверять только себе и своим собственным отражательным способностям. Другие отражающие приборы, и первый из них – зеркало, становятся конкурентами в борьбе за реальность и ее истину. И в этой борьбе человек стремится сохранить приоритет за собой как за таким сущим, на стороне которого находится истина, само бытие. Эта своего рода ревность человека к зеркалам в отношении бытия распространяется и на другие приборы, чему можно привести множество подтверждений. Например, в современной фантастике очень распространенным сюжетом является захват или уничтожение человечества обретенными человеческий интеллект и облик машинами. Вспомним уже приводившиеся выше примеры захвата зеркальным двойником своего прототипа.

Однако связь зеркала с идеями двойничества и обмана вовсе не является чем-то обязательным для любых культурных сообществ. Хотя человеку, воспитанному в контексте европейской культуры, кажется естественным связывать зеркальное отражение с двойником, в японской культуре, например, этого не происходит. Дело здесь не в том, что двойничество воспринималось в японской культуре принципиально по-другому, чем в европейской. Близнецы

вызывали такие же опасения, и связанные с ними поверья держались в Японии очень долго. Об этом писал, например, Кавабата Ясунари в романе «Старая столица», где одна из сестер-близнецов была во младенчестве подкинута к чужим людям. Это случилось именно из-за страха родителей перед несчастьями, которые предвещает рождение близнецов. Но в японском сознании двойник не связывался с отражением, или иначе, отражение не воспринималось как негативный двойник. Более того, зеркальное отражение не несет никакого намека на «удвоение реальности» и вообще никак не ассоциируется со столь сомнительной идеей двойственности.

Смыслы, которые ассоциируются с образом зеркального отражения, связаны в японской культуре прежде всего с истиной и со временем. Иллюзорность отражения в данном случае приобретает совершенно другой смысл. И в поэзии, и в литературе мы наблюдаем особую эстетическую ценность иллюзии зеркального отражения: луна или красавица прелестнее всего именно тогда, когда они отражены в зеркале или воде. Иллюзорность отражения символизирует присутствие истины, которая состоит в том, что природа вещей преходяща. Получается, что зеркальный образ вещи и есть ее истина. Поэтому иллюзорность, изменчивость и хрупкость вещей являются источником очарования эмпирического мира. А раз возникает очарование, затронуто сердце, значит, вещь онтологически полноценна. При таком мироощущении страх перед зеркальным образом, претендующим на подмену реальности и узурпацию истины, невозможен.

Особенно это видно в тех ситуациях, когда в зеркале явлено нечто по какой-либо причине недоступное обычному созерцанию. В рассказе Я. Кавабаты «Отраженная луна» больной муж Кёко любит в зеркале отраженной в луже воды луной, то есть дважды отраженной луной, без всякого намека на страх или беспокойство перед удвоенной, а в данном случае даже утроенной реальностью. Правда, Кёко впоследствии все же осознает, что, дав мужу зеркало, она, быть может, тем самым ускорила его смерть, потому что он день за днем видел усиливающиеся признаки болезни на своем лице. Но, несмотря на это, смертельно больной человек отказался расстаться с зеркалом: он желал до последнего дня любоваться видимым миром, что было возможным для него только через отражение.

Зеркало как символ в японской культуре несет такую смысловую нагрузку, которая обусловлена ориентированностью сознания на иной, чем у европейцев, слой реальности. И лучше всего это демонстрирует

¹⁶ Там же. С. 499.

зеркало как символ истины. Понятие об истине всегда связано с представлением о чем-то неизменном во времени, устойчивом, всегда пребывающем и независимом от чего-то внешнего. Это так не только для европейского мышления, но и для японского. Однако европейское сознание ищет эту пребывающую истину в определенности для восприятия, независимо умственного или эмпирического. Эта определенность, пребывание собой в процессе любых изменений, принимает форму понятия самоидентичности вещи. Японское сознание, созерцая вечную изменчивость мира, находит постоянство именно в этой изменчивости. Но такое постоянство не является постоянством циклически замкнутого и потому рационально описуемого процесса, как, например, в китайской культуре. Это постоянство самой неопределенности, самой изменчивости, то есть, того слоя реальности, который, по словам Платона, «...воспринимается вне ощущения, посредством некоего незаконного умозаключения, и поверить в него почти невозможно»¹⁷. Эта реальность изменяется и служит причиной изменений, оставаясь в то же время постоянно присутствующей, хотя и неуловимой. Однако нельзя сказать, что она неизменна благодаря некоей собственной сущности, как обычная изменяющаяся во времени вещь. Это не субстрат (или субъект) изменений в европейском понимании, поэтому ее неизменность нельзя понимать как самоидентичность.

Это несамостоятельное, иное эйдоса, в античной философии обозначается словом «меон» – несущее, но являющееся условием существования вещи, пассивной потенциальностью, и в этом смысле соотносимое с понятием материи. И этот меон как раз то самое, чего сознанию следует избегать любыми путями, «Ибо материя становится госпожой всякого попадающего в нее образа; она портит его и разрушает, вкладывая в него свою собственную противоположную природу; противоположную не в том смысле, что к горячему она привносит холодное, но к виду горячего она привносит свою безвидность, и ко всякой форме – свою бесформенность, и избыток и недостаток свой – к соразмерному, до тех пор, пока не сделает [этот образ] настолько своим, что он перестанет быть тождественным самому себе...»¹⁸. Погружаясь в эти, как выражается Плотин в другом трактате, «темные и безрадостные для ума глубины», сознание, которое тоже является

эйдосом, подвергается размыву и перестает быть самоидентичным, что оканчивается для него сном в Аиде, и это еще в лучшем случае.

Именно отсутствие самоидентичности делает меон неуловимым как для рационального познания, так и для эмпирического восприятия. Поэтому ориентированное на меональность сознание, чтобы сохранить тождество с собой, должно, с одной стороны, оставаться всегда при конкретности эмпирических вещей. С другой стороны, это же сознание, чтобы все-таки прикоснуться к меональности, должно фиксировать внимание на малейших колебаниях эмоционально-чувственной сферы, поскольку лишь она может как-то соотноситься с меональной текучестью вещей и ситуаций. И то, и другое в полной мере относится к японскому культурному сознанию, для которого характерны как «очарованность вещами», так и обостренное внимание к эмоциям.

Меональная потенциальность как таковая не может быть дана внешним образом, но можно ощущать ее текучесть посредством эмоциональных колебаний. Ее невыразимость – следствие ее несамостоятельности, способной разрушить любую форму. Поэтому вещи, с точки зрения их внутренней меональности, не могут рассматриваться как самоидентичные, то есть обладающие сущностью в европейском понимании этого слова. Для обозначения внутренней истины вещи существует понятие «*моно-но кокоро*» (сердце или душа вещи), которое, хотя иногда интерпретируется как «сущность», все же полностью с этим понятием не совпадает. В силу этого в японской культуре с зеркальным отражением никак не связывается идея двойничества. Отражение всегда остается отражением, не претендуя на онтологический статус прототипа. Такая претензия с позиции ориентированного на меональность сознания представляется совершенно бессмысленной. Ведь отражение не скрывает за пустой видимостью отсутствие самостоятельной умозримой сущности, но символизирует эмоционально ощущаемое кокоро вещи, поэтому зеркальный образ, скорее, является сердцем прототипа, а отнюдь не его пустой оболочкой или негативным двойником.

Вполне естественно, что в подобном культурном контексте зеркало ассоциируется с истиной, поскольку оно символически являет собой меональный аспект реальности, как предельное основание бытия. Все свойства зеркального отражения приобретают позитивное символическое значение как относящиеся к природе вещей. Онтологическая несамостоятельность отраженного образа, случайность его появления на зеркальной поверхности и исчезновения с нее, указывают на бытийную

¹⁷ Платон. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 455.

¹⁸ Плотин. О природе и источнике зла // Плотин. Сочинения. СПб.: Алетей, 1995. С. 599.

бесприютность и хрупкость эмпирических вещей-прототипов, уносимых меоанальной текучестью. В то же время зеркальный образ более явно обладает всеми этими характеристиками, тогда как его эмпирический прототип может питать иллюзию прочного пребывания себя и других вещей в мире причинно-следственных связей.

Как онтологическая, так и эстетическая ценность зеркального образа не вызывает сомнений. Поэтому отражение чего-либо – луны в воде, красавицы в зеркале – это постоянный источник поэтического вдохновения и предмет изображения в искусстве. Идеальная гладкость и прозрачность зеркальной поверхности хорошо соотносится с неуловимым и скрытым от восприятия меоном. Отражающая поверхность становится воспринимаемой лишь посредством появляющихся в ней отражений. И хотя образы мимолетны, мифологическое сознание наделяет зеркало способностью их удерживать. И в поэзии, и в художественной литературе зеркало часто ассоциируется с хранящимся в душе образом. Глубина зеркала наполнена отражениями, поэтому оно символизирует поток времени и память о прошлом. Е.М. Дьяконова, анализируя средневековое японское жизнеописание «Великое зеркало», пишет: «Образ зеркала, центральный в этом сочинении, обозначает кроме всего прочего и время. Черда людских судеб отражается в зеркале, которое и выявляет истинное (*макото-но*) значение, суть происходящих событий, подлинную природу человека. Один из старцев (рассказчиков – Г.Т.) сам себя именуется «ясным зеркалом старого фасона»; вместе с тем перед зеркалом он предается созерцанию и постижению природы человеческого сердца...»¹⁹.

Различие в ориентированности культурного сознания приводит к различиям в понимании символа, что наиболее рельефно выражает символический статус зеркала в культуре. Зеркало в европейской культуре не стало полноценным символом, если не считать так называемого «зеркала Венеры», значка зодиакальной планеты Венера (круг с крестообразной ручкой). В силу своего слишком сомнительного характера оно не стало и предметом культа. Исключения представляют лишь некоторые ритуалы гадания, которые являются маргинальными не только для христианской культуры, но и для языческих мантических практик, использующих в целях предсказания только естественные «живые зеркала». Символ «зеркало Венеры» наделен лишь очень огра-

ниченным кругом значений – как принадлежность красавицы – и в этом смысле он несет указание на тщеславие. И если в языческой античной культуре зеркало еще могло быть таким, пусть не очень значимым, символом, то в христианской культуре оно не находит себе места нигде, кроме маргинальных областей, связанных с запрещенными практиками гаданий и нравственно предосудительным самолюбованием. Например, в одной из книг трилогии «За пределы безмолвной планеты» К. Льюис описывает ситуацию, аналогичную библейской истории о грехопадении, где попытка склонить первую женщину к отступничеству предпринимается именно при помощи зеркала. К.Г. Честертон также связывает человеческое тщеславие с образом зеркала, глядя в которое слишком часто, человек, в конце концов, перестает узнавать сам себя. В рассказе «Человек в проулке» Г.К. Честертон описывает встречу нескольких людей с их искаженными отражениями. Но искажение здесь только кажущееся, обусловленное внезапностью встречи со своим отражением. На самом деле эти люди видели себя настоящими, но узнать себя в этой ситуации смог только отец Браун, и только потому, по его словам, что недостаточно часто смотрится в зеркало.

Японское сознание, ориентированное на меоанальный аспект реальности, не задается вопросом об искаженности или ложности отражения. Какое бы оно ни было, отражение истинно, ибо все существует как отражение, и поэтому зеркало – полноценный культурный символ бытия. Это подтверждает также и тот факт, что зеркало богини Амаэрасу, вместе с мечом и ящмой, является священным символом японского императорского дома. Смотрящий в зеркало человек осознает, что все вещи лишь отражения на поверхности невоспринимаемого. Их преходящесть, хрупкость, изменчивость, существование в потоке времени – это постоянные (сущностные) свойства. При таком понимании не возникает подозрительного отношения к созерцанию себя в зеркале, поскольку созерцающий чувствует при этом и свою бренность, что вовсе не является поводом к самообольщению. Героиня упоминавшегося выше рассказа Я. Кавабаты, Кёко, разглядывая свой образ в зеркале, предается размышлениям не о собственной красоте, а о мире, о своем умершем муже, о зеркальном отражении как об особой реальности.

Как показал в своем исследовании Ю.М. Романенко, понимание реальности, как совокупности отражений, где всякая вещь отражает в себе все другие вещи, свойственна и европейскому сознанию. Однако европейский взгляд на отражение устремлен мимо

¹⁹ Дьяконова Е.М. Искусство иллюзии. По материалам японских средневековых жизнеописаний // Сад одного цветка: Сборник статей и эссе. М.: Наука, 1991. С. 200.

него в поисках истинной реальности, независимой от любых зеркал, будь то естественных или, тем более, искусственных. Для японца же зеркальный образ обладает свойствами очищенности от всего случайного и приближенности к онтологической основе мира, что приводит к наделению зеркала статусом наиболее истинной из всех взаимоотражающих вещей. Поэтому акт смотрения в зеркало есть акт познания истины, который понимается как приобщение к сути вещей – *моно-но когоро*, а видимость отраженного понимается не как обман, но как онтологическое свойство, утверждающее присутствие вещи в бытии.

Таким образом, двойственное отношение к зеркалу определяется различием между двумя противоположными способами понимания символа. С позиции одного понимания символа зеркальный образ онтологически излишен, поэтому его наличие разрушает естественную гармонию космоса. Однако с позиции другого понимания символа скрытая потенциальность и не должна выражаться во внешнем образе. Поэтому зеркало может открывать свою онтологическую глубину, пересекающуюся с той внутренней глубиной сердца, которая никогда не может быть явлена эмпирически.

Список литературы:

1. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. Т. 2 М.: Рос. Энциклопедия, 1997. 719 с.
2. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. Т. 1 М.: Рос. Энциклопедия, 1997. 671 с.
3. Флоренский П.А. О суеверии и чуде // Флоренский П.А. Соч. в 4-х т. Т. 1 М.: Мысль, 1994. С. 44-69.
4. Платон. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. 654 с.
5. Эстес К. П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. К.: «София», М.: ИД «Гелиос», 2001. 496 с.
6. Апокриф Иоанна // Апокрифы древних христиан. М.: Мысль, 1989. С. 197-217.
7. Борхес Х. Коллекция: Рассказы; Эссе; Стихотворения. СПб.: Северо-Запад, 1992. 639 с.
8. Романенко Ю.М. Бытие и естество: Онтология и метафизика как типы философского знания. СПб.: Алетейя, 2003. 779 с.
9. Плотин. О природе и источнике зла. // Плотин. Сочинения. СПб.: Алетейя, 1995. 672 с.
10. Дьяконова Е.М. Искусство иллюзии. По материалам японских средневековых жизнеописаний // Сад одного цветка: Сборник статей и эссе. М.: Наука, 1991. С. 197-211.

Дополнительная литература:

1. Аверинцев. Мир как загадка и разгадка. // Поэтика ранневизантийской литературы. М.: CODA, 1997. С. 135-156.
2. Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. СПб.: Глагол, 1997. 188 с.
3. Дьяконова Е.М. О возможном и невозможном в японской поэзии // Эстетика бытия и эстетика текста в культурах средневекового Востока. М.: Восточная литература, 1995. С. 262-283.
4. Ермакова Л.М. «Душа слова», «сердце» и «имена вещей» в раннеяпонской словесности // Эстетика бытия и эстетика текста в культурах средневекового Востока. М.: Восточная литература, 1995. С. 134-145.
5. Ермакова Л.М. Взгляд и зрение в древнеяпонской словесности // Сад одного цветка: сборник статей и эссе. М.: Наука, 1991. С. 212-223.
6. Кокинвакасю – Собрание старых и новых песен Японии / Пер. со старояп., предисл. и коммент. А.А. Долина. СПб.: Гиперион, 2001. 432 с.
7. Манъёсю: Японская поэзия: В 3-х т. М.: ООО «Изд. АСТ», 2001.
8. Николай Кузанский. О видении Бога // Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1980. С. 33-94.
9. Плотин. О прекрасном. // Плотин. Сочинения. СПб.: Алетейя, 1995. С. 490-511 с.
10. Танидзаки Д. Похвала тени: Рассказы, эссе. СПб.: Азбука-классика, 2006. 384 с.
11. Хайдеггер М. Вещь. // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 316-326.